

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Анны Глебовны Гродецкой
«Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 — русская литература

Диссертацию А. Г. Гродецкой следует признать «очень своевременной» работой. Гончаров пережил уже две волны взлетов и падений своего авторитета: первый взлет в начале творческого пути, второй при декадентах, первое падение авторитета в 1860—1870-е гг., второе — в послевоенной России. С конца 1980-х гг. сначала за пределами России, а потом и в ней самой стала формироваться третья волна интереса к Гончарову, которая пока еще всё растет. Это явление научно-общественной жизни требует обстоятельного истолкования: когда мы поймем, почему мы испытываем интерес к Гончарову, мы сможем понять и самого Гончарова. Так объясняется актуальность диссертационной работы.

Но значение исследовательских усилий, предпринятых А. Г. Гродецкой, обуславливается и увеличивается еще и от того, что они предприняты не изнутри гончароведения как замкнутой на себя группы, а снаружи. Нет необходимости перечислять заслуги А. Г. Гродецкой в подготовке и издании Полного собрания сочинений и писем Гончарова: эти заслуги хорошо известны и высоко оценены научной общественностью. Но исследовательница не сосредоточена на одном Гончарове и смотрит на него с точки зрения Льва Толстого, Чернышевского, других авторов. Такая позиция заведомо обеспечивает исследовательскую силу и результативность работы А. Г. Гродецкой. Нашла задача — раскрыть содержание этих усилий.

В 4-й главе диссертации «О некоторых константах в поэтике Гончарова» А. Г. Гродецкая ставит задачу определить специфику авторской позиции в прозе Гончарова. Исследовательница наглядно демонстрирует, что признание аналитической мысли в собственном бессилии осмыслить явление Гончарова давно уже стало устойчивой традицией: «Гончаров не поддается разбору» (А. В. Дружинин); «анализу и определению он поддается с большим трудом» (М. А. Протопопов); «Обаяние гончаровской прозы нелегко расшифровать» (Е. А. Краснощекова). Приведя эти (и другие) признания, А. Г. Гродецкая перечисляет те основные характеристики авторской позиции, которые «создают своего рода загадку Гончарова» и которые давали его прозе исследователи разных направлений: «объективность повествовательной манеры, невыраженное, „сглаженное“ субъективное начало, безоценочность или, точнее, сознательный и продуманный релятивизм в оценках» (с. 248). «Объективность повествовательной манеры» и (что то же) «невыраженное, „сглаженное“ субъективное начало» — это восходящая к Добролюбову традиция типа А. Г. Цейтлина и Н. И. Пруцко-

ва. «Сознательный и продуманный релятивизм в оценках» и (оно же) «безоценочность» — это восходящая к Дружинину традиция типа Е. А. Краснощековой.

Обе характеристики поданы через запятую, как синонимы. Однако хотя они говорят об одном и том же, означают они вовсе не одно и то же. *Объективность повествовательной манеры* означает приписываемое автору стремление отказаться от собственной точки зрения во имя вышестоящей инстанции — объективности, которая для человека и тем более для автора недоступна. Эта позиция может быть реализована только тогда, когда «богиня» воспеваает гнев «Ахилла, Пелеева сына» устами слепого певца. *Сознательный и продуманный релятивизм* означает приписываемое автору желание признать наличие рядом с ним некоей иной позиции, которая равноценна его собственной, хотя возжелать этого любой человек, а уж автор тем более не может, иначе он перестанет быть автором. Впрочем, этой позицией успешно овладевает современный постмодернист: писатель и филолог (гуманитарий) в одном флаконе. Итак, мы видим, что сложность исследовательской работы состоит вовсе не в том, чтобы увидеть специфику Гончарова. Сложность в том, чтобы найти ему адекватные определения.

Сама А. Г. Гродецкая основными атрибутами художественного мира Гончарова называет «иронию и автоиронию», то есть ту тотальную иронию, которая распространяется и на самого ее носителя. Исследовательница идет в том направлении, которое наметили в свое время радикальные оппоненты Гончарова: Д. И. Писарев, М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). Самопародирование А. Г. Гродецкая находит у Гончарова еще в раннем творчестве (с. 67—69). Ирония и тем более автоирония свидетельствуют о глубоко развитой рефлексии. Истины ради следует указать, что автор диссертации понимает и показывает, что другие современники просто отрицали наличие этой иронии у Гончарова. В частности, Н. Г. Чернышевский считал, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал». Отсутствует рефлексия, — значит, отсутствует и ирония.

А. Г. Гродецкая подробно анализирует иронию Гончарова: не только как собственно стилистический прием или образ, но и как сюжетное и жанровое начало. «Элементы условности и ироничности» на уровне сюжета А. Г. Гродецкая демонстрирует на примере романов «Обыкновенная история» и «Обломов». В первом «младший Адуев <...> в финале полностью уподобляется Адуеву-старшему, превращается в его полную копию, в двойника. Сюжет замыкается, из поступательного он преобразуется в кольцевой, эпилог <...> по сути обесценивает „искания“ героя и его предполагаемый сюжетом „романа воспитания“ <...> внутренний рост. Круг механически замыкается, финал романа приравнивается к его началу» (с. 253). Нечто аналогичное А. Г. Гродецкая выявляет и в финале «Обломова». Полемизируя с теми современными исследователями, которые расценива-

ют жизненный путь Штольца как прямую дорогу к «филистерству», А. Г. Гродецкая справедливо указывает, что для изображения состояния Штольца Гончаров прибегает к столь излюбленному им «несобственно-авторскому, не моносубъектному, „двуакцентному“ повествованию» (с. 186). Фактически этому же вопросу посвящен и раздел 5-й главы диссертации «Рецензия на „Обломова“, не написанная Чернышевским». Этот раздел интересен и в силу того, что А. Г. Гродецкая привлекает в нем к анализу совершенно забытую повесть Н. Г. Чернышевского «Тихий голос».

Ирония на уровне жанра, справедливо пишет А. Г. Гродецкая, «размывает основные жанровые константы». «Счастливая ошибка» — или светская повесть, или пародия на нее; «Иван Савич Поджабрин» — или физиологический очерк, или пародия на физиологию. «Сон Обломова» — идиллия или антиидиллия, сатира и пародия на идиллию. «Совершенно внежанровыми являются „очерки путешествия“ „Фрегат ‘Паллада’“» (с. 254). От себя добавлю, что своих пределов ироничная неопределенность авторского отношения достигла в самых поздних произведениях: «Слуги старого века», «Май месяц в Петербурге», «Уха».

В 5-й главе диссертационного исследования «Проза Гончарова в критическом (не)восприятии современников» А. Г. Гродецкая осмысляет иронию (и автоиронию) уже не как принцип только поэтики Гончарова, а как принцип его мировоззрения, что отмечали В. Г. Белинский, А. А. Григорьев, Д. И. Писарев (с. 278 и др.). Говоря, как не-восприняли Гончарова Н. Г. Чернышевский и Л. Н. Толстой, А. Г. Гродецкая фактически проблематизирует современное истолкование философии Гончарова. И это делает ее работу крайне интересной и полезной. От релятивизма как поэтического приема мы переходим к вопросам релятивистического мировоззрения.

Вместе с тем сопоставление Гончарова с его современниками актуализирует вопрос о степени и характере таланта Гончарова. А. Г. Гродецкая приводит суждения Л. Н. Толстого, П. В. Анненкова, А. Н. Майкова об известном сходстве Писемского и Гончарова (с. 279). Эта подборка сравнений провоцирует автора и читателей диссертации на постановку «последних вопросов». Именно. Писатель Писемский остался в истории литературы. Почему писатель Гончаров осознается нами как живое явление современной культуры? Или скажем иначе. В настоящее время практически всеми признано, что первая часть «Обломова» и «Софья Беловодова» в «Обрыве» написаны крайне занудно. Что же в таком случае заставляет нас числить писателя, который пишет так скучно, по разряду гениальных (первого ряда)?

Очевидно, что решение этих «последних вопросов» правомерно за пределами литературоведения как академической науки, в формах каких-то иных, более свободных писательских практик. Но А. Г. Гродецкая совершенно справедливо подводит своего читателя к этим вопросам. Как пи-

сал в свое время Б. М. Эйхенбаум, современное историко-литературное исследование должно питаться проблемами современной литературы.

Оценивая эти части диссертационного исследования, мы не можем сказать, что мы во всем согласны с его автором. Однако это вполне естественно: говоря об одних и тех же явлениях, каждый автор, пишущий о Гончарове, находит свои собственные формулы для определения его художественного мира. Я в свое время обошелся без понятий иронии и автоиронии. Но когда я прочитал эти главы работы А. Г. Гродецкой, я, не отказываясь от своей позиции, нахожу, что ее толкование ключевых моментов художественного мира Гончарова не просто очень интересно, но — главное — стройно и логично. И в этом состоит огромное достоинство исследования.

Второе важное достоинство обсуждаемой работы А. Г. Гродецкой — ее научная новизна. Это качество научного исследования связано с участием А. Г. Гродецкой в подготовке Полного собрания сочинений Гончарова и отражено в трех первых главах диссертации. Подготовка и комментирование текстов Гончарова до «Обыкновенной истории», детальное изучение биографий и творческого наследия лиц из окружения молодого Гончарова и семьи Майковых выполнены в 1-й главе просто превосходно. Здесь следует назвать в первую очередь следующие темы: статус дома Майковых: кружок, салон или литературный дом; В. А. Солоницын; стихи Гончарова в «Подснежнике» и элегии Александра Адуева в «Обыкновенной истории»; типология оппозиций *покой/беспокойство* в «Лихой болести»; «Счастливая ошибка» в контексте светской повести; опыт реконструкции рукописной газеты «Сплетня» (1842). Тонко и обстоятельно проработаны реальный комментарий к роману «Обломов» во 2-й главе диссертации. Назову здесь: аттестат и чин Обломова, споры о грамотности народа, проблема комфорта, реминисценции «Новой Элоизы». Глубоко и практически исчерпывающе описана в 3-й главе работы предыстория образа русского нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» и история его восприятия русской критикой. Но именно полнота и обстоятельность работы, предпринятой А. Г. Гродецкой, понуждает нас внести определенные уточнения в некоторые конкретные анализы.

Комментируя перечень немецких университетов, в которых учился Штольц (Бонн, Йена, Эрланген), А. Г. Гродецкая пишет: «Возможно, Боннскому университету, основанному в 1786 году и неофициально называвшемуся „университетом принцев“, поскольку в нем учились дети правящей династии Гогенцоллернов, Гончаров отдал предпочтение вследствие того, что в нем в 1824—1831 годах лекции по античной истории читал Б. Г. Нибур» (с. 145). Описав историю с Нибуrom, автор диссертации сознается: «Данные, которые хотя бы в малой степени поясняли выбор университетов в Йене и Эрлангене, выявить не удалось» (с. 147). Следуя заданной логике, можно было бы возразить: университет Йены был известен

тем, что там преподавали такие знаменитые гуманитарии, как А. Шлегель, Шеллинг и Гегель. Но в таком случае для университета Нюрнберга-Эрлангена трудно найти необходимое обоснование для включения в этот список. Однако совершенно очевидно, что Гончаров перечисляет университеты, которые прошел Штольц. Поэтому для него важно было назвать те университеты, которые стали известны не лидерами в области гуманитарных наук, а достижениями в области естественных и прикладных наук, что и отвечало интересам Штольца: Г. фон Гельмгольц, Ф. А. К. фон Штрадолиц (Бонн), К. Гегенбаур, Т. Герцог, И. В. Дёберейнер (Йена), И. Ф. Гейфельдер (Эрланген).

Поэтический образ в «Сне Обломова» «И вечер тёпел там, и ночь душна» А. Г. Гродецкая остроумно объясняет как вольный парафраз из второй песни «Полтавы» А. С. Пушкина: «И летней, теплой ночи тьма / Душна, как черная тюрьма»,— и замечает при этом: «При такого рода цитировании оттенок автоиронии, шутливо-игровое остранение возникает неизбежно» (с. 250). Мы бы со своей стороны заметили, что Гончаров создает на основе пушкинского материала собственную совершенно оригинальную стиховую форму — моностих пятистопного ямба, в котором все слова взяты из Пушкина, но Пушкин такого не мог бы написать. Это не просто автоирония, не просто «шутливо-игровое остранение». Это переписывание Пушкина на манер русской поэзии середины XIX в., например, на манер А. А. Фета.

Вообще работу А. Г. Гродецкой отличает прекрасное знание литературно-критической и научной традиции, что мы уже использовали при анализе 4-й и 5-й глав. Однако в ряде случаев сила комментатора оборачивается его слабостью. Комментатор должен обязательно учесть разные точки зрения, свести воедино разные несводимые позиции. Иногда это сказывается в недостатке критицизма при оценке автором работы своих коллег. Например, описывая полемику вокруг романа «Обрыв», А. Г. Гродецкая неоднократно ссылается на книгу Н. Н. Старыгиной 2003 г. «Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов» (с. 213—214). Меня серьезно смущает безоценочное обращение к ней автора диссертации, так как научная несостоятельность этой книги для меня очевидна. А поскольку я излагал свое мнение об этой книге в печати, я сейчас не могу обойти этот вопрос молчанием.

Однако мы хорошо понимаем, что каковы бы ни были наши замечания о работе, представленной А. Г. Гродецкой, и дополнения к ней, они не отменяют очевидного для нас ее высокого научного уровня. Результаты работы А. Г. Гродецкой, отраженные в ряде необходимых публикаций, уже широко используются в эдиционной и комментаторской практике, но их можно и должно использовать как при чтении курса истории русской литературы XIX века, так и при чтении специальных курсов по творчеству Гончарова и русскому роману. В этом смысле проделанная

А. Г. Гродецкой работа очень результативна. Публикации и автореферат отражают основные положения диссертации. Диссертационное исследование А. Г. Гродецкой «Проза И. А. Гончарова: 1830—1860-е (биографика, контекст, поэтика)» полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Диссертация является новым крупным научным достижением, которое имеет не только историко-литературное, но и теоретико-литературное значение. Вот почему я с большим удовольствием могу подтвердить, что автор работы А. Г. Гродецкая достойна искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература».

Доктор филологических наук
профессор кафедры общего и славянского искусствознания
Московского государственного университета дизайна и технологии
(Институт славянской культуры)

М. В. Строганов

10.09.2016

Михаил Викторович Строганов
170006 Тверь пер. Трудолубия, 32, кв. 37
+7-903-809-9502
mistro@rambler.ru

